

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ЗАМУЖ

Алина Сулейманова

Алина Сулейманова

Добро пожаловать замуж

«Автор»

2026

Сулейманова А.

Добро пожаловать замуж / А. Сулейманова — «Автор», 2026

«Добро пожаловать замуж, дорогая. Теперь ты свободна». Эта фраза высечена на надгробии бабушки Эмили Торн. Тогда, на похоронах, Эмили решила, что это странная семейная шутка. Ошибка каменотёса. Что-то, что не имеет значения. Она ошибалась. Через неделю после похорон Эмили получает конверт без марки и обратного адреса. Внутри — карта, нарисованная рукой покойной бабушки, и записка: «Ты должна приехать. До полнолуния. Иначе... Прости меня». Эмили — врач. Женщина науки. Она не верит в призраков, проклятия и старые семейные легенды. Но что-то в этом письме заставляет её бросить всё и отправиться в глушь, в забытый городок Миллфорд, к дому, которого нет ни на одной карте. Дом ждёт её. Трёхэтажный викторианский особняк с башенкой, окружённый мёртвым лесом. В окне второго этажа горит свет. Дверь открывается прежде, чем Эмили успевает постучать. На пороге — женщина с глазами, которые видели слишком много. За её спиной — ещё семь. Молчаливых. Неподвижных. Как статуи. Как тени.

© Сулейманова А., 2026

© Автор, 2026

Алина Сулейманова

Добро пожаловать замуж

Эмили Торн приехала в старый дом своей покойной бабушки, чтобы узнать историю семьи. Она не знала, что семья уже выбрала ей мужа.

В подвале, за тяжёлой дубовой дверью, его ждут уже двести лет. Каждые двадцать лет он берёт новую невесту из рода Торн. Каждая умирает через двадцать лет. Бабушка Эмили была его женой. Теперь — её очередь.

У неё есть три дня до полнолуния. Три дня, чтобы понять: кто он на самом деле, что случилось с первой невестой и почему дом не хочет её отпускать.

Она думала, что приехала узнать прошлое. Она не знала, что прошлое уже ждёт её внизу. В темноте. С бледными глазами. С голосом, который шепчет её имя.

Дождь начался ещё в Бостоне, когда Эмили Торн выезжала из города, и с тех пор не прекращался ни на минуту. Он барабанил по крыше взятого напрокат «Форда» с упорством, которое граничило с одержимостью, — как будто небо решило во что бы то ни стало смыть её с лица земли. Дворники металась по лобовому стеклу, но не успевали — вода заливала стекло быстрее, чем они успевали её сбрасывать, и мир за окном превращался в размытое пятно из серых и зелёных тонов. Фары встречных машин вспыхивали и гасли, как далёкие маяки, и Эмили казалось, что она едет не по шоссе, а по дну какого-то мутного, бесконечного аквариума.

Эмили вцепилась в руль так, что побелели костяшки. Ей было тридцать четыре года, она была врачом — терапевтом в одной из бостонских клиник, — и она привыкла к тому, что мир подчиняется определённым законам. Бактерии вызывают инфекции. Вирусы мутируют. Опухоли растут. Всё это имело объяснение, всё это можно было понять, изучить, победить. Но то, что происходило сейчас, не поддавалось никакой логике. И хуже всего было то, что она сама не могла объяснить, зачем едет. Она могла бы сослаться на бабушкину записку, на карту, на чувство, которое не отпускало её шесть дней. Но это были не причины. Это были оправдания. Настоящая причина была глубже — там, где заканчивались слова и начиналось что-то древнее, тёмное, что она не решалась назвать даже про себя.

Три недели назад умерла её бабушка. Маргарет Торн. Женщина, которая вырастила Эмили после того, как её родители погибли в автокатастрофе, когда ей было семь. Женщина, которая всегда была рядом — тёплая, надёжная, немного странная, но любящая. Женщина, которая за три дня до смерти позвонила ей и сказала странным, не своим голосом:

— Эмили. Ты должна приехать. В дом. До полнолуния. Ты должна приехать, иначе...

Она не договорила. В трубке что-то щёлкнуло, и связь оборвалась. Эмили перезвонила — десять раз, двадцать, тридцать. Никто не ответил. На следующий день ей позвонили из больницы. Бабушка умерла во сне. Остановка сердца.

Эмили приехала на похороны. Маленькое кладбище в Миллфорде, городке, о котором она никогда не слышала, но который, как выяснилось, был родным для её бабушки. Несколько старух в чёрном. Священник, который говорил слова, которые ничего не значили. Дождь, который шёл с самого утра. И могила — простая, каменная, с надписью: «Маргарет Торн. 1945–2024. Добро пожаловать замуж».

Эмили тогда не поняла, что означает эта надпись. Она решила, что это какая-то старая семейная шутка, которую она не знала. Или ошибка каменотёса. Или что-то ещё, что не имело значения. Она похоронила бабушку, вернулась в Бостон и попыталась забыть. Но забыть не получилось. Слова «Добро пожаловать замуж» всплывали в памяти в самые неподходящие моменты — в ординаторской, в метро, ночью, когда она просыпалась от собственного серд-

цебления. Она ловила себя на том, что повторяет их шёпотом, как молитву, как заклинание, смысла которого не понимает.

Но бабушка не дала ей забыть. Через неделю после похорон Эмили нашла в своей почте конверт. Без марки. Без обратного адреса. Внутри — карта. Нарисованная от руки. Бабушкиным почерком. И записка:

«Эмили. Ты должна приехать. Это важно. Это важнее всего, что ты когда-либо делала. Дом ждёт тебя. Он ждёт уже давно. Пожалуйста. Не бойся. Всё будет хорошо. Я обещаю. Но ты должна приехать. До полнолуния. Иначе...

Прости меня.

Твоя бабушка.»

Эмили смотрела на карту. На кривые линии, на крестики, на стрелки. Она не понимала, что это значит. Но что-то в её груди сжалось. Что-то тёмное. Что-то холодное. Что-то, что говорило: «Поезжай. Ты должна поехать. Иначе будет плохо». Она перечитала записку трижды. Почерк был бабушкин — она узнала бы его из тысячи. Но слова... слова были не бабушкины. Слишком отчаянные. Слишком прямые. Бабушка никогда не говорила «прости меня». Она говорила «прости, если что не так», «ты уж извини, старую», но никогда — вот так, в пустоту, без адресата.

Она пыталась игнорировать это чувство. Три дня. Четыре. Пять. Но чувство не уходило. Оно росло. Оно становилось сильнее. Оно заполняло её сны. Она видела дом. Тёмный. Старый. С башенкой. Она видела женщину. В белом. Она видела тень. Большую. Тёмную. И голос говорил с ней. Голос, который она не знала. Но который казался знакомым.

«Добро пожаловать замуж, дорогая. Ты узнаешь. Ты поймёшь».

На шестой день она не выдержала. Взяла отпуск на работе — сказала, что ей нужно разобраться с делами бабушки. Взяла напрокат машину. И поехала. Она не сказала никому, куда едет. Не потому, что скрывала, — просто не знала, как объяснить. «Я еду в город, которого нет на картах, потому что моя мёртвая бабушка прислала мне письмо без марки»? Это звучало как начало психиатрической истории. А Эмили была врачом. Она знала, как выглядит начало психиатрической истории. И всё же ехала.

Дорога была долгой. Два часа по шоссе. Потом — съезд. Потом — просёлочные дороги. Потом — гравий. Потом — грязь. Навигатор давно потерял сигнал — где-то на полпути, когда она свернула на дорогу, которой не было ни на одной карте. Эмили ехала по памяти, по бабушкиной карте, которая лежала на пассажирском сиденье, и по инстинкту, который говорил ей: «Поверни здесь. Теперь прямо. Теперь налево. У старого дуба».

Дуб действительно был. Огромный, старый, с расщеплённым стволом. Молния ударила в него когда-то давно, расколов пополам, но он выжил — чёрный, обугленный, но живой. Эмили посмотрела на него. И почувствовала, как что-то холодное скользнуло по позвоночнику. Как будто дуб смотрел на неё. Как будто он знал, что она придёт. Она отвела взгляд, но ощущение осталось — липкое, как паутина, которую не видно, но которая всё равно на тебе.

Она повернула налево. Дорога стала ещё хуже. Грязь чавкала под колёсами, как мокрое мясо. Деревья сомкнулись над дорогой, образуя тёмный туннель. Свет почти не проникал сюда. Дождь усилился. Ветер качал ветви, и они скрипели, как старые кости. Эмили включила дальний свет, но он не помог — только выхватил из темноты мокрые стволы, которые тут же снова утонули во мраке. Она поймала себя на том, что считает деревья. Не знает зачем. Просто считает. На сорок втором сбилась и начала сначала.

А потом дорога закончилась.

Просто оборвалась. Асфальт сменился гравием, гравий — грязью, грязь — чем-то тёмным и вязким, что не было ни землёй, ни водой. Эмили остановила машину. Заглушила двигатель. И тишина обрушилась на неё, как одеяло. Тяжёлая. Влажная. Абсолютная. Даже дождь, казалось, стал тише — или это уши заложило от контраста. Эмили сидела неподвижно, слу-

шая собственное дыхание, и ждала. Чего? Она не знала. Может быть, что мир снова станет нормальным. Может быть, что бабушка постучит в окно и скажет, что это шутка. Может быть, что она проснётся в своей квартире в Бостоне и поймёт, что всё это ей приснилось.

Ничего не произошло.

Она сидела в машине, глядя на дом, который стоял в конце подъездной аллеи. Особняк был викторианским — трёхэтажный, с башенкой, с тёмными окнами, которые смотрели на неё, как пустые глазницы. Краска облупилась, ставни покосились, крыльцо просело. Но дом не был заброшен. В окне второго этажа горел свет. Тёплый. Жёлтый. Приглашающий. И этот свет был хуже темноты. Темнота — это просто отсутствие света. А это было присутствие. Присутствие кого-то. Или чего-то. Что ждало.

«Добро пожаловать замуж», — пронеслось в голове Эмили. Странная фраза. Бабушка всегда говорила её с улыбкой, но в глазах у неё было что-то такое... что-то, что Эмили тогда не поняла. Теперь, глядя на дом, она начала догадываться. И догадка ей не нравилась.

Она вышла из машины. Холодный воздух ударил в лицо, пропитанный запахом мокрой земли, гниющей листвы и чего-то ещё — сладковатого, как увядшие цветы. Как будто здесь что-то умерло. Давно. И всё ещё не разложилось до конца. Эмили поёжилась в своей тонкой куртке и пошла к дому. Гравий хрустел под ногами, и этот звук казался неприлично громким в окружающей тишине. Как будто она нарушала покой. Как будто она была незваным гостем. Она оглянулась на машину. Та стояла, мокрая, одинокая, и почему-то показалась ей маленькой и бесполезной — как игрушка, забытая в лесу. Эмили отвернулась и пошла дальше.

Дверь открылась прежде, чем она успела постучать.

На пороге стояла женщина. Высокая, худая, с седыми волосами, убранными в строгий пучок. Её лицо было гладким, почти без морщин — как у покойницы, которую хорошо подготовили к похоронам, — но глаза... глаза были старыми. Очень старыми. Они смотрели на Эмили так, словно ждали её очень долго. Словно она была последней надеждой. Словно она была жертвой.

— Эмили, — сказала женщина. Это не было вопросом. — Ты приехала.

— Миссис... — Эмили запнулась, пытаясь вспомнить имя, которое упоминала бабушка. — Простите, я...

— Просто Агата, — женщина улыбнулась. Улыбка была тёплой, но не коснулась глаз. — Я ждала тебя. Входи, дорогая. Ты, должно быть, устала с дороги.

Эмили переступила порог, и дом поглотил её. Это было странное ощущение — как будто она шагнула не в комнату, а в другой мир. Воздух здесь был гуще, тяжелее, и пахло иначе. Воском и засушенными розами. И чем-то ещё. Чем-то металлическим. Кровью? Нет. Не кровью. Но чем-то похожим. Свечи горели повсюду — на подоконниках, на комодах, в канделябрах, — отбрасывая танцующие тени на стены, оклеенные тёмно-бордовыми обоями с золотым тиснением. Портреты висели в тяжёлых рамах — мужчины в старомодных костюмах, женщины в платьях с высокими воротниками. Все они смотрели на Эмили с одинаковым выражением — торжественным и немного печальным. Как будто знали что-то, чего не знала она. Как будто жалели её.

— Твоя бабушка была замечательной женщиной, — сказала Агата, ведя её через холл. — Мы все её очень любили.

— Вы были подругами?

Агата остановилась. Отвернулась. Её глаза блеснули в свете свечей.

— Можно сказать и так, — ответила она. — Мы были... сёстрами. В некотором роде.

Эмили хотела спросить, что это значит, но Агата уже открыла дверь в гостиную. Комната была огромной, с высоким потолком и камином, в котором горел огонь. Вокруг камина сидели женщины. Шесть. Семь. Восемь. Эмили не сразу смогла их сосчитать — тени металась по стенам, и казалось, что женщин больше, чем есть на самом деле. Как будто за каждой сидящей

стояла ещё одна. Призрачная. Невидимая. Они все замолчали, когда Эмили вошла. И в этой тишине Эмили вдруг отчётливо услышала, как потрескивают дрова в камине. Как капает воск со свечи. Как бьётся её собственное сердце.

— Добро пожаловать, — сказала одна из них, самая старая, с кожей, похожей на пергамент, и глазами цвета мутного стекла. — Добро пожаловать замуж, дорогая.

Эмили почувствовала, как что-то холодное скользнуло по позвоночнику.

— Я... я не понимаю, — сказала она. — Моя бабушка говорила мне приехать сюда. Она сказала, что здесь я узнаю что-то важное о своей семье. Но она не говорила ни о каком замужестве.

Женщины переглянулись. Улыбки на их лицах были одинаковыми — терпеливыми, понимающими, как у взрослых, которые знают что-то, чего не знает ребёнок.

— Конечно, не говорила, — сказала Агата, подходя к ней и кладя руку на плечо. Рука была холодной, очень холодной. Как у мертвеца. — Твоя бабушка хотела, чтобы ты узнала всё сама. Это... традиция.

— Какая традиция?

Агата улыбнулась.

— В нашем роду, Эмили, женщины выходят замуж не так, как все. У нас есть... особый обряд. И ты — следующая невеста.

Эмили отступила на шаг. Рука Агаты соскользнула с её плеча.

— Я не собираюсь выходить замуж, — сказала она. — Я приехала узнать о своей семье. О бабушке. Но не...

— Ты уже согласилась, — сказала старая женщина у камина. — Когда переступила порог этого дома. Когда приняла приглашение.

— Какое приглашение? Я просто приехала, потому что бабушка...

— Бабушка знала, — мягко сказала Агата. — Она знала, что ты придёшь. Она знала, что ты — избранная. И она знала, что ты должна выйти замуж до следующего полнолуния. Иначе... Она замолчала.

— Иначе что? — спросила Эмили, хотя уже не была уверена, что хочет знать ответ.

Агата посмотрела на неё с сочувствием.

— Иначе умрёшь, дорогая. Как и все женщины в нашем роду, которые отказались.

Эмили смотрела на неё. На женщин. На огонь. На тени, которые танцевали по стенам. И чувствовала, как что-то внутри неё сжимается. Что-то тёмное. Что-то холодное. Что-то, что говорило: «Это правда. Всё это правда. И ты знала это с самого начала». Она хотела закричать. Хотела рассмеяться. Хотела сказать, что всё это чушь, что она врач, что она не верит в проклятия и обряды. Но слова не шли. Потому что где-то в глубине, там, где жил инстинкт, а не разум, она знала, что это не чушь. Знала с той самой минуты, как прочитала бабушкину записку.

— Я хочу уехать, — сказала она.

— Конечно, — сказала Агата. — Дверь открыта. Машина на месте. Никто тебя не держит.

Эмили повернулась. Пошла к двери. Она почти дошла до неё, когда голос — голос старой женщины у камина — остановил её.

— Ты можешь уехать, — сказала она. — Но ты не сможешь убежать. Он найдёт тебя. Где бы ты ни была. Он всегда находит. Всегда.

Эмили обернулась. Хотела что-то сказать. Но слова застряли в горле. Потому что она почувствовала это. Связь. Как будто что-то тянуло её вниз. К подвалу. К темноте. К нему. Это было не желание. Не страх. Что-то третье. Что-то, для чего у неё не было названия. Как будто в её теле появилась струна, которую кто-то дёрнул. И струна загудела. В ответ.

Она вышла из гостиной. Поднялась по лестнице — Агата показала ей комнату. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. И только тогда позволила себе заплакать.

Она плакала долго. Потом вытерла слёзы. Подошла к окну. Дождь усилился, превратившись в ливень. Деревья качались на ветру, как тёмные призраки. Она видела свою машину внизу — маленькую, одинокую, бесполезную. Ключи остались в замке зажигания. Если она побегит... сможет ли она добраться до города? Сколько миль она проехала после последней заправки? Двадцать? Тридцать? Она не помнила. Она попыталась вспомнить дорогу — и не смогла. Деревья, повороты, дуб — всё смешалось в один тёмный, мокрый клубок. Как будто лес не хотел, чтобы она запомнила путь.

Она достала телефон. Сигнала не было. Ни одного деления. Она попробовала позвонить — сначала подруге, потом в полицию, потом в службу спасения. Тишина. Телефон показывал полную зарядку, но не работал. Как будто этот дом находился вне зоны действия любой сети. Как будто он был... отдельным миром. Эмили смотрела на экран, на знакомые иконки, которые вдруг стали бесполезными, как рисунки на стене. Она подумала о своей квартире в Бостоне. О чашке кофе. О коллегах. Обо всём, что ещё утром казалось ей реальным. Теперь это было далеко. Дальше, чем просто мили.

В дверь постучали.

Эмили вздрогнула. Обернулась.

— Войдите, — сказала она, хотя голос прозвучал слабо.

Дверь открылась. Вошла молодая женщина — примерно её возраста, может, чуть моложе. Рыжие волосы, веснушки, зелёные глаза. Она была единственной, кого Эмили ещё не видела в гостиную. И единственной, кто выглядел... нормальным. Без этой странной торжественности, без этого древнего взгляда. Она была одета в простые джинсы и свитер, и это тоже выделяло её — как будто она только что пришла с улицы, из обычной жизни.

— Привет, — сказала девушка. — Я Лили. Сестра Агаты. Ну, младшая.

— Сестра? — Эмили нахмурилась. — Агата выглядит... старше.

Лили усмехнулась.

— Да, она у нас... ранняя. Слушай, я пришла предупредить тебя. Не пей больше чай, который они дают. И не ешь ничего, что предложат после заката.

Эмили почувствовала, как холод снова скользит по спине.

— Почему?

— Потому что в еде и питье — зелье, — Лили говорила быстро, шёпотом, оглядываясь на дверь. — Оно помогает... принять. Смириться. Ты уже выпила чай, да?

— Да, но...

— Чёрт. Ладно, не страшно. Один раз — не смертельно. Просто... будь осторожна. Они хотят, чтобы ты согласилась добровольно. Это важно для обряда. Но если ты будешь сопротивляться, они могут... ускорить процесс.

— Какой процесс? — Эмили встала. — Лили, что здесь происходит? Что за обряд? Кто жених?

Лили посмотрела на неё. В её глазах было что-то — страх, жалость, и ещё... надежда? Она колебалась. Эмили видела, как она борется с собой. Как будто хотела сказать больше, но боялась. Как будто каждое слово давалось ей с трудом.

— Жених, — сказала она наконец, — не человек. Вернее, был человеком. Давно. Очень давно. Теперь он... другое. Он живёт в подвале. Внизу. Под домом. И он ждёт.

— Ждёт чего?

— Тебя, — Лили сглотнула. — Он ждёт тебя уже двести лет.

Эмили засмеялась. Смех был нервным, истерическим, и она сама это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Он вырывался откуда-то из груди — короткий, рванный, как будто что-то внутри неё сломалось и теперь не могло остановиться. Она смеялась, и слёзы текли по щекам, и она не знала, чего в этом больше — ужаса или облегчения.

— Двести лет? Лили, это... это безумие. Люди не живут двести лет.

— Он и не человек, — повторила Лили. — Я же сказала. Он был человеком. Давно. Его звали... — она замялась. — Его звали Джонатан Торн. Твой предок. Прапрапра... ну, ты поняла.

Эмили перестала смеяться. Смех оборвался так резко, как будто кто-то перекрыл кран. В комнате стало очень тихо. Слышно было, как дождь стучит по стеклу — ровно, настойчиво, как метроном.

— Торн? Это моя фамилия.

— Да. Он был первым Торном, который поселился здесь. В 1780-х. Он построил этот дом. И он... он сделал что-то. Что-то ужасное. И теперь он не может умереть. И не может жить по-настоящему. Он застрял между.

— Между чем?

— Между мирами. Между жизнью и смертью. И единственный способ освободить его — это... обряд. Брак. С женщиной из рода Торн. Каждые двадцать лет одна из женщин выходит за него замуж. И тогда он... получает покой. На время.

— На время?

Лили кивнула. Она стояла у двери, прислонившись к ней спиной, и её руки были скрещены на груди — как будто она пыталась согреться. Или защититься.

— Брак длится двадцать лет. Потом жена умирает. И он снова ждёт. Следующую.

Эмили села обратно на кровать. Ноги не держали. Матрас был старым, продавленным, и он скрипнул под ней — резко, как будто кто-то вскрикнул. Она ухватилась за край одеяла и сжала его в кулаках.

— То есть... моя бабушка?

— Да, — тихо сказала Лили. — Она была его женой. Двадцать лет. Она умерла в прошлом месяце. И теперь... теперь твоя очередь.

— Но почему я? У меня есть кузина, тётя...

— Обряд выбирает. Не они. Он выбирает. И он выбрал тебя. Ты — следующая. Единственная. Если ты откажешься...

— Я умру. Да, я слышала.

Лили покачала головой. Она оттолкнулась от двери и сделала шаг к Эмили. В её глазах было что-то, от чего по спине Эмили снова пополз холод.

— Хуже. Ты не просто умрёшь. Ты станешь... как он. Застрянешь. Между. Навсегда. И будешь ждать следующую невесту. Двести лет. Или больше.

Эмили закрыла глаза. В голове был хаос. Она думала о бабушке — о том, как та улыбалась, как говорила «Добро пожаловать замуж» с этой странной интонацией. Тогда Эмили думала, что это шутка. Теперь она понимала, что это было приглашение. Или предупреждение. Или и то, и другое. Она думала о доме, о свечах, о женщинах в гостиной с их древними глазами. Она думала о подвале — о том, что там, внизу, кто-то ждёт. Двести лет. Ждёт её. Она представила себе это — тёмную комнату, каменные стены, и кого-то, кто сидит там, в темноте, и считает дни. Годы. Десятилетия. И ждёт. Ждёт её. Её, Эмили. Которая до сегодняшнего дня даже не знала, что этот дом существует.

— Мне нужно увидеть его, — сказала она наконец. Голос прозвучал глухо, но твёрдо.

Лили вздрогнула.

— Что? Нет. Нельзя. Не сейчас. До обряда нельзя.

— Я хочу увидеть, за кого меня выдают. Я имею право знать.

— Эмили...

— Отведи меня в подвал. Или я найду сама.

Лили смотрела на неё долго. Эмили видела, как она борется с собой — как в её глазах страх сменяется чем-то другим, может быть, жалостью, может быть, уважением. Потом она вздохнула. Тяжело, как будто сдаваясь.

— Ладно. Но если Агата узнает... Она убьёт меня. Не в переносном смысле.

Они вышли из комнаты. Коридор был тёмным, освещённым только свечами в канделябрах, которые отбрасывали длинные тени. Дом скрипел, стонал, как живое существо. Эмили казалось, что стены дышат, что портреты на стенах поворачивают головы, что за каждым углом кто-то наблюдает. Она шла за Лили, стараясь ступать тихо, но половицы предательски скрипели под ногами. Каждый скрип отдавался в ушах, как выстрел.

Она старалась не смотреть на портреты. Но они смотрели на неё. Все. Мужчины с холодными глазами. Женщины с печальными улыбками. И одна женщина — молодая, красивая, с тёмными волосами и глазами цвета мёда — смотрела на неё особенно пристально. Как будто знала её. Как будто ждала её. Эмили остановилась. Не могла не остановиться.

— Кто это? — спросила она.

Лили посмотрела на портрет. Побледнела. Её лицо стало почти белым в свете свечей.

— Это Сара. Первая жена. Первая невеста.

— Она... она выглядит знакомой.

— Она — твоя кровь. Все они — твоя кровь. Все женщины рода Торн. Они смотрят на тебя. Они ждут.

Эмили отвернулась. Пошла дальше. Но чувство, что портреты смотрят ей в спину, не уходило. Оно было физическим — как будто между лопатками у неё была мишень, и все эти нарисованные глаза целились в неё.

Лестница на первый этаж. Потом — вниз, по узкой винтовой лестнице, которая вела в подвал. Ступени были каменными, холодными, и под ногами что-то хрустело — может быть, песок, может быть, кости. Чем глубже они спускались, тем холоднее становилось. И тем сильнее был запах — сладковатый, землистый, как из открытой могилы. Эмили дышала через рот, чтобы не чувствовать. Но запах был везде. В воздухе. В стенах. В её лёгких. Он оседал на языке, как налёт, и она чувствовала его вкус — старый, тёмный, безнадёжный.

— Он там, — прошептала Лили, останавливаясь перед тяжёлой дубовой дверью. — За этой дверью. Я... я не пойду дальше. Не могу.

— Почему?

— Потому что он... влияет. На нас. На женщин рода. Если я подойду слишком близко, я... я захочу остаться. Захочу стать его женой. А я не хочу. Я видела, что случилось с твоей бабушкой. С другими. Это... это не жизнь. Это существование.

Эмили посмотрела на дверь. Потом на Лили. Девушка дрожала — мелко, как в ознобе. Её веснушки казались тёмными точками на побелевшем лице.

— А на меня он не повлияет?

— Повлияет, — честно сказала Лили. — Но ты — невеста. Ты уже связана с ним. Тебя он не сможет... сломать. Надеюсь.

— Надеешься?

— Я не знаю, Эмили. Я никогда не была здесь с невестой. Я просто знаю, что ты должна сделать выбор. Добровольно. Иначе всё будет... плохо.

Эмили глубоко вздохнула. Воздух был холодным и влажным, и он обжёг лёгкие. Потом она толкнула дверь.

Она открылась без скрипа. За ней был коридор — длинный, тёмный, ведущий куда-то вглубь. В конце коридора горел свет. Свечи. Много свечей. И там, в этом свете, что-то было. Кто-то.

Эмили пошла вперёд. Она не оглянулась на Лили. Не могла. Ноги несли её сами, как будто что-то тянуло её за невидимую нить.

Комната была круглой. Сводчатый потолок, каменные стены, земляной пол. В центре — алтарь. Каменный, древний, покрытый резьбой — символами, которых Эмили не знала. Спирали. Кресты. Круги. И что-то ещё — похожее на буквы, но не буквы. Вокруг алтаря горели свечи — десятки, сотни свечей, и их свет отражался от стен, создавая иллюзию движения. Тени

танцевали. Тени жили. Тени смотрели. Эмили чувствовала их взгляды на себе — холодные, любопытные, голодные.

А за алтарём, в тёмном углу, что-то было.

Эмили сначала не поняла, что видит. Тень была слишком большой, слишком плотной, чтобы быть просто тенью. Она двигалась — медленно, тяжело, как будто дышала. И в этой тени, в самой её глубине, светились две точки. Глаза. Бледные, как у рыбы, но живые. Смотрящие. Смотрящие на неё. В неё. Сквозь неё.

— Ты пришла, — сказал голос.

Голос был... неправильный. Слишком глубокий, слишком старый, как будто говорила сама земля. И в то же время в нём было что-то человеческое. Что-то, что когда-то было человеком. Что-то, что помнило, каково это — быть живым. Эмили почувствовала, как этот голос вибрирует где-то в костях — не в ушах, а глубже.

— Ты... Джонатан? — спросила Эмили. Голос дрожал, но она держалась. Она была врачом. Она умела держаться.

Тень шевельнулась. Что-то выдвинулось из неё — рука. Длинная, слишком длинная, с пальцами, которые были суставами, а не пальцами. Рука протянулась к ней, но не коснулась. Остановилась в воздухе, как будто наткнулась на невидимую стену.

— Я ждал тебя, — сказал голос. — Долго ждал. Ты похожа на неё. На Сару. Первую.

— На кого?

— На Сару. Мою жену. Первую. Она была... она была прекрасна. И она предала меня. Все они предают. Но ты... ты не предашь. Ты — избранная. Ты — последняя.

— Последняя?

Тень засмеялась. Звук был как скрежет камня по камню. Эмили вздрогнула.

— Да. Последняя невеста. После тебя — свобода. Для меня. И для тебя. Мы будем вместе. Навсегда. В мире, где нет смерти. Где нет боли. Где только мы.

Эмили отступила на шаг. Рука втянулась обратно в тень.

— А если я не хочу?

— Тогда ты умрёшь, — просто сказал голос. — И станешь тенью. Как я. И будешь ждать. Двести лет. Или больше. Пока не найдётся другая. Но другой не будет. Ты — последняя из рода. Я знаю. Я чувствую.

— У меня есть кузина...

— Она не из рода. Она — дочь другой ветви. Не Торн по крови. Только ты. Только твоя кровь. Твоя бабушка знала. Она выбрала тебя. Она готовила тебя. Всю жизнь.

Эмили вспомнила бабушку. Как она приезжала каждое лето, как рассказывала истории — странные, тёмные истории о женщинах, которые выходили замуж за тени, о мужчинах, которые продали души, о детях, которые рождались с глазами, которые видели слишком много. Эмили думала, что это просто сказки. Просто фольклор. Просто бабушка немного... странная. Она любила эти истории. Они были тёплыми, уютными, как старое одеяло. Бабушка рассказывала их шёпотом, при свечах, и Эмили засыпала под них, чувствуя себя в безопасности. Теперь она поняла. Это были не сказки. Это были предупреждения. И бабушка рассказывала их не для того, чтобы развлечь. А для того, чтобы подготовить.

— Что случилось с Сарой? — спросила она. — С первой женой?

Тень молчала долго. Так долго, что Эмили начала думать, что он не ответит. Свечи потрескивали. Тени танцевали. Где-то капала вода — мерно, как часы.

— Она отказалась, — сказал наконец голос. — В последний момент. Перед алтарём. Она сказала «нет». И я... я не смог принять это. Я проклял её. И себя. И весь наш род. Я не хотел быть один. Я хотел, чтобы она осталась. Навсегда. И она осталась. Как тень. Как я. Но она... она не простила меня. Никогда.

— И все остальные? Двадцать лет? Двадцать лет с тобой?

— Они соглашались, — сказал голос. — Они выходили за меня. Они были моими жёнами. Двадцать лет — это срок. Потом они умирали. И я ждал. Снова и снова. Но теперь... теперь всё закончится. Ты — последняя. Ты освободишь меня.

Эмили смотрела в темноту. В эти бледные глаза. И чувствовала... что-то. Не страх. Не отвращение. Что-то другое. Печаль. Глубокую, древнюю печаль. Как будто она смотрела в зеркало и видела себя — одинокую, потерянную, ждущую. Она думала о своей жизни в Бостоне. О пустой квартире. О ночах, когда она просыпалась от собственного сердцебиения. О том, как иногда, в толпе, она чувствовала себя абсолютно, безнадежно одной. Может быть, это и было то, что связывало её с ним. Может быть, она тоже была тенью. Просто ещё живой.

— Мне нужно подумать, — сказала она.

— Думай, — сказал голос. — У тебя есть время. До полнолуния. Три дня. Потом — обряд. Или — смерть. Выбирай.

Тень отступила в угол. Глаза погасли. И комната вдруг стала просто комнатой — холодной, пустой, с алтарём и свечами. Эмили постояла ещё мгновение, глядя в темноту, где только что были глаза. Потом повернулась и пошла к двери.

Когда она вышла в коридор, Лили ждала её там, бледная как мел.

— Ты жива, — прошептала она. — Слава Богу.

— Да, — сказала Эмили. — Жива. Пока.

Они поднялись по лестнице. Вернулись в комнату Эмили. Лили ушла — ей нужно было вернуться к сёстрам, чтобы не вызвать подозрений. Эмили осталась одна.

Она сидела на кровати, глядя в стену. В голове был хаос. Она думала о бабушке. О Саре. О Джонатане. О женщинах, которые были его жёнами. Двадцать лет. Каждые двадцать лет. Целое столетие жертв. Она пыталась представить себе бабушку — молодую, счастливую, — стоящую перед этим алтарём. Пыталась представить, что она чувствовала. Страх? Отчаяние? Или что-то другое — смирение, может быть, даже любопытство? Бабушка никогда не говорила об этом. Ни слова. Всю жизнь — ни слова.

Она думала о том, что видела. Тень. Глаза. Голос. Она думала о том, что он сказал. «Ты — последняя. Ты освободишь меня». Она думала о том, что будет, если она согласится. Двадцать лет в этом доме. С ним. В темноте. А потом — смерть. Или хуже.

Она думала о том, что будет, если она откажется. Смерть. Или хуже. Тень. Навсегда.

Она не спала. Всю ночь. Она лежала в постели, глядя в потолок, и слушала, как дом дышит. Скрипы, стоны, шёпот в стенах. Иногда ей казалось, что она слышит голос бабушки — где-то далеко, за стеной, за гранью. «Добро пожаловать замуж, дорогая. Ты узнаешь. Ты поймёшь.» Она ворочалась. Одеяло было тяжёлым, как мокрое. Подушка пахла пылью и лавандой — бабушкиным запахом. Эмили прижала её к лицу и дышала, дышала, дышала, пока не начала задыхаться.

Утром пришла Агата. Она принесла завтрак — чай и тосты, — но Эмили помнила предупреждение Лили. Она не притронулась к еде. Чай остыл в чашке, покрываясь тонкой плёнкой. Тосты засохли. Эмили смотрела на них и думала о том, сколько женщин до неё сидели на этой кровати и смотрели на точно такой же завтрак.

— Ты виделась с ним, — сказала Агата. Это не было вопросом.

— Да.

— И что ты думаешь?

Эмили посмотрела на неё. Агата стояла у окна, глядя на дождь. Её лицо было спокойным, но в глазах было что-то — тревога? Надежда? Она выглядела старше, чем вчера. Как будто ночь что-то забрала у неё.

— Я думаю, что это безумие, — сказала Эмили. — Я думаю, что вы все сумасшедшие. Я думаю, что мне нужно уехать отсюда, пока я не потеряла рассудок.

Агата кивнула.

— Ты можешь уехать. Дверь не заперта. Машина на месте. Никто тебя не держит.

Эмили встала.

— Правда?

— Правда. Но ты не уедешь.

— Почему?

Агата повернулась к ней. Улыбнулась — грустно, понимающе.

— Потому что ты уже чувствуешь это. Связь. Ты видела его. Ты говорила с ним. И теперь он внутри тебя. Как был внутри твоей бабушки. Как был внутри всех нас. Ты можешь уехать. Но он поедет с тобой. В твоей крови. В твоих снах. В твоём сердце. И через три дня... — она развела руками. — Ты вернёшься. Или умрёшь.

Эмили хотела возразить. Хотела сказать, что это чушь, что это средневековое суеверие, что она врач, что она знает, как работает мир. Но слова застряли в горле. Потому что она чувствовала это. Связь. Как будто что-то тянуло её вниз, к подвалу, к тёмной комнате, к бледным глазам. Как будто часть её уже была там. Она вспомнила, как стояла перед дверью, как толкнула её, как шла по коридору. Она не хотела идти. Но шла. Что-то вело её. И это что-то было не страхом. Это было... притяжение.

— Что будет, если я соглашусь? — спросила она тихо.

Агата подошла к ней. Взяла её руки в свои. Руки были холодными, но не неприятными. Как камень, нагретый солнцем.

— Ты станешь его женой, — сказала она. — На двадцать лет. Ты будешь жить здесь. В этом доме. Ты будешь... заботиться о нём. Он не может выходить наружу. Он привязан к этому месту. Но ты будешь с ним. И он будет с тобой. И через двадцать лет... ты умрёшь. И освободишься. И он освободится.

— Освободится?

— Да. После последней невесты он обретёт покой. Уйдёт. Туда, куда должен был уйти двести лет назад. А ты... ты тоже уйдёшь. Но не как тень. Как свободная душа. Он обещал.

— Он обещал, — повторила Эмили. — И ты веришь ему?

Агата молчала. Долго. Дождь стучал по стеклу. Свечи потрескивали. Где-то в доме скрипнула половица — как будто кто-то прошёл. Агата посмотрела на дверь. Потом снова на Эмили.

— Я верила, — сказала она наконец. — Когда была молодой. Когда была невестой. Как ты. Я верила всему, что он говорил. А потом... потом я увидела, что случилось с его жёнами. С теми, кто согласился. Они не умирали peacefully. Они угасали. Медленно. Год за годом. Они становились... тенью. Ещё при жизни. И когда они умирали... они не уходили. Они оставались. Здесь. В стенах. В подвале. С ним.

Эмили почувствовала, как волосы на руках встают дыбом. Она медленно высвободила руки из рук Агаты.

— Они здесь? Прямо сейчас?

Агата кивнула.

— Они везде. В этом доме. В каждой комнате. В каждом зеркале. Они смотрят. Они ждут. Они хотят, чтобы ты согласилась. Потому что тогда... тогда они смогут уйти. Все они. Вместе с ним.

— Тогда почему ты не сказала мне сразу? Зачем весь этот... спектакль?

Агата улыбнулась. Улыбка была печальной.

— Потому что так надо. Традиция. Ты должна была приехать сама. Увидеть сама. Решить сама. Иначе обряд не работает. Иначе... — она замолчала.

— Иначе что?

— Иначе он разгневется. И тогда... тогда будет хуже. Для всех.

Эмили закрыла глаза. В голове был хаос. Она думала о бабушке. О том, как та улыбалась. О том, как говорила «Добро пожаловать замуж». О том, как в её глазах было что-то — что-то,

что Эмили тогда не поняла. Теперь она поняла. Это был страх. И любовь. И надежда. Надежда, что внучка сможет сделать то, что не смогла она. Или — что сможет. Что выберет правильно. Что бы это ни значило.

— Три дня, — сказала Эмили.

— Три дня, — подтвердила Агата. — Потом полнолуние. Потом обряд.

Она повернулась и вышла. Дверь закрылась за ней беззвучно — как будто дом проглотил её.

Эмили осталась одна. С домом. С тенями. С голосом в голове, который шептал её имя. Она слышала его — тихо, на грани слуха. «Эмили. Эмили. Эмили». Она не знала, был ли это голос Джонатана, или бабушки, или её собственный.

Она подошла к окну. Дождь прекратился, но небо было затянуто тучами. Луна — почти полная — проглядывала сквозь них, как бледный глаз. Она смотрела на Эмили. И Эмили смотрела на неё. Она думала о том, что луна тоже застряла между — между светом и тьмой, между землёй и небом. Как Джонатан. Как бабушка. Как она сама.

«Три дня», — подумала она. «Три дня до конца. Или до начала».

Она не знала, что выберет. Но она знала, что выбор будет. И что он изменит всё.

т двери к кровати. От кровати к окну. Половицы скрипели под ногами — каждая по-своему, каждая со своим голосом. Эмили начала различать эти голоса. Эта — стонет. Эта — вздыхает. Эта — молчит, но прогибается так, что кажется, будто вот-вот провалишься. Она смотрела на портреты на стенах. На мужчин с холодными глазами. На женщин с печальными улыбками. Она смотрела на Сару — на ту, которая была первой. На ту, которая отказалась. На ту, которая стала тенью.

Сара смотрела на неё. С портрета. Из прошлого. Из смерти. Она смотрела на Эмили так, как будто знала что-то. Как будто хотела что-то сказать. Но не могла. Не здесь. Не сейчас. Её глаза были цвета мёда — тёплые, живые, — и это было странно. На всех остальных портретах глаза были тусклыми, нарисованными. А у Сары они смотрели. По-настоящему смотрели.

Эмили подошла к портрету. Коснулась пальцами холста. Холст был холодным. Ледяным. Как будто за ним была не стена, а что-то другое. Что-то тёмное. Что-то бесконечное. Она отдернула руку, но холод остался на кончиках пальцев — как ожог наоборот.

— Что ты хочешь мне сказать? — прошептала Эмили. — Что мне делать?

Портрет молчал. Но Эмили почувствовала — что-то изменилось. Что-то в комнате. Что-то в воздухе. Как будто кто-то вошёл. Кто-то, кого она не видела. Кто-то, кто стоял за её спиной. Воздух стал плотнее, тяжелее. Он давил на плечи, на затылок. Эмили чувствовала чьё-то присутствие — не взглядом, не слухом, а кожей. Как будто кто-то дышал ей в затылок. Медленно. Терпеливо.

Она обернулась.

Никого.

Но холод остался. И запах. Сладковатый. Землистый. Как из могилы. Как из подвала. Эмили постояла ещё мгновение, глядя в пустую комнату, и вдруг поняла, что не может больше здесь оставаться. Стены давили. Потолок опускался. Ей нужно было выйти. Немедленно.

Эмили вышла из комнаты. Коридор был пуст. Свечи горели. Тени танцевали. Она пошла по коридору. Мимо дверей. Мимо портретов. Мимо комнат, которые были заперты. Она не знала, куда идёт. Но ноги сами несли её. Вниз. По лестнице. В холл. К гостиной. Она не хотела туда идти. Она не принимала это решение. Но что-то вело её — то же самое, что вело её в подвал. Притяжение. Как будто в её теле была струна, и кто-то тянул за неё. Мягко. Настойчиво.

Дверь в гостиную была открыта. Эмили заглянула внутрь. Женщины сидели вокруг камина. Молчаливые. Неподвижные. Как статуи. Как тени. Огонь горел, но не давал тепла — Эмили чувствовала только холод, который шёл от них. Они не заметили её. Или сделали вид,

что не заметили. Эмили смотрела на них — на их лица, на их руки, на их глаза. И вдруг поняла: они не дышат. Ни одна из них. Грудь не поднимается. Плечи не опускаются. Они сидели абсолютно неподвижно, как восковые фигуры. И только свечи вокруг них мерцали, отбрасывая тени, которые двигались — но не совпадали с их телами.

Эмили отступила. Пошла дальше. К кухне. К задней двери. Она открыла её. Вышла на крыльцо. Воздух был холодным. Свежим. Пахло дождём и мокрой землёй. Она стояла на крыльце, глядя на лес. На деревья, которые качались на ветру. На тьму, которая сгущалась между стволами. Ветер трепал её волосы, и это было приятно — как будто что-то живое, что-то настоящее касалось её. Она сделала глубокий вдох. Выдох. Ещё один. И почувствовала, как напряжение немного отпускает.

И тогда она увидела её.

Женщина стояла на краю леса. В белом платье. Длинные тёмные волосы. Бледное лицо. Она смотрела на Эмили. И Эмили смотрела на неё. Между ними было расстояние — может быть, сто шагов, может быть, больше. Но Эмили видела её так отчётливо, как будто та стояла рядом. Видела каждую складку на её платье. Каждую прядь волос. Каждую тень под глазами.

Сара.

Эмили хотела позвать её. Хотела спросить, что она хочет. Но голос застрял в горле. Она попыталась сделать шаг — и не смогла. Ноги приросли к крыльцу. Женщина подняла руку. Медленно. Помахала. И исчезла. Растворилась в тьме. Как будто её никогда не было. Как будто лес проглотил её.

Эмили стояла на крыльце. Сердце колотилось. Руки дрожали. Она знала — это не галлюцинация. Это не сон. Это было реально. Так же реально, как дом. Как тени. Как голос в подвале. Она смотрела на лес ещё долго — ждала, что Сара вернётся, что она скажет что-то, что она даст знак. Но лес был пуст. Только деревья качались на ветру. Только тьма сгущалась между стволами.

Она вернулась в дом. Поднялась в комнату. Закрыла дверь. И только тогда позволила себе заплакать. Слёзы текли по щекам. Она не вытирала их. Она просто стояла. И плакала. О бабушке. О Саре. О себе. Обо всех женщинах, которые были до неё. Которые страдали. Которые умирали. Которые ждали. Она плакала о доме, который был построен из любви и стал тюрьмой. О мужчине, который любил так сильно, что убил. О женщине, которая отказалась — и всё равно осталась. Она плакала, пока слёзы не закончились. Пока в груди не стало пусто. Пока не осталась только тишина.

Потом она вытерла слёзы. Подошла к кровати. Села. И стала ждать. Ждать ночи. Ждать снов. Ждать его.

Ночь пришла. Тёмная. Тихая. Эмили лежала в постели. Глаза открыты. Она смотрела в потолок. Ждала. И он пришёл.

Сон был ярким. Реальным. Она стояла на поляне в лесу. Ночь была тёмной, но луна светила ярко, заливая всё серебряным светом. Трава под ногами была мягкой, влажной. Пахло землёй и чем-то сладким — как увядшие цветы. Перед ней стоял мужчина. Молодой, красивый, с тёмными волосами и глазами цвета мёда. Он улыбался ей. Улыбка была тёплой, живой. Такой, что Эмили захотелось улыбнуться в ответ. И она испугалась этого желания.

— Сара, — сказал он. — Ты пришла.

— Я не Сара, — ответила она. — Я Эмили.

Он нахмурился. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — сомнение? боль? — но тут же исчезло.

— Сара, — повторил он. — Моя Сара. Ты пришла. Я знал, что ты придёшь.

Он протянул руку. Эмили хотела отступить, но не могла. Ноги не слушались. Она смотрела, как его рука приближается к её лицу, как его пальцы касаются её щеки. Прикосновение

было тёплым. Живым. Она чувствовала его кожу — тёплую, мягкую. Как у живого человека. Как у человека, которого она могла бы полюбить. И это было хуже всего.

— Я так долго ждал, — прошептал он. — Так долго. Ты не представляешь.

— Я не Сара, — повторила она. — Я Эмили. Я...

— Ты моя, — сказал он. — Ты всегда была моей. С самого начала. Сара была первой. Но ты — последняя. Ты — та, кто освободит меня.

Он наклонился к ней. Его губы почти коснулись её губ. Она чувствовала его дыхание — тёплое, живое. Она чувствовала его запах — знакомый, странно знакомый. Как будто она знала его всю жизнь. Как будто он был частью её. Как будто он был в её крови.

— Скажи «да», — прошептал он. — Скажи «да», и всё закончится. Всё будет хорошо.

Эмили проснулась с криком.

Она сидела в постели, тяжело дыша. Простыни были мокрыми от пота. Сердце колотилось. И в голове звучал его голос. «Скажи "да". Скажи "да"». Она прижала ладонь к груди, к тому месту, где сердце билось о рёбра, и ждала, пока оно успокоится. Оно не успокаивалось. Оно билось и билось, как будто хотело вырваться. Как будто хотело вернуться туда, на поляну, к нему.

Она встала. Подошла к окну. Луна — почти полная — светила в окно. Она смотрела на Эмили. Как глаз. Как свидетель. Как судья. Эмили прижалась лбом к холодному стеклу. Оно обожгло кожу, но она не отстранилась. Ей нужно было что-то настоящее. Что-то холодное. Что-то, что не было сном.

«Два дня», — подумала Эмили. «Осталось два дня».

Она не спала до утра. Сидела у окна. Смотрела на луну. Ждала рассвета. Ждала ответов. Но ответов не было. Была только тишина. И дом. И тени. И голос в голове, который шептал её имя. «Эмили. Эмили. Эмили.» Он не был злым. Он не был страшным. Он был... нежным. И это пугало больше всего.

Утром пришла Лили. Она выглядела встревоженной. Её рыжие волосы были растрёпаны, как будто она бежала. Веснушки выделялись на бледном лице, как тёмные точки.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она.

— Спасибо, — ответила Эмили. — Я не спала.

— Сны?

— Да. Как ты...

— Я знаю. Все невесты видят сны. Он приходит к ним. Говорит с ними. Пытается... убедить.

Эмили села на кровать. Она чувствовала себя разбитой — как будто всю ночь таскала камни. Руки дрожали. В горле было сухо.

— Лили, я не знаю, что делать. Я не хочу выходить за него. Я не хочу умирать. Я не хочу становиться тенью. Но я чувствую... я чувствую, что он прав. Что у меня нет выбора.

Лили села рядом с ней. Её плечо коснулось плеча Эмили — тёплое, живое. Настоящее.

— Есть выбор, — сказала она тихо. — Всегда есть выбор.

— Какой?

Лили оглянулась на дверь. Потом наклонилась к Эмили и зашептала. Её дыхание щекало ухо, и слова падали в тишину, как капли воска.

— Есть способ разрушить проклятие. Не выходить за него. Не умирать. Освободить его по-настоящему.

— Как?

— Нужно найти то, что он потерял. Двести лет назад. То, что держит его здесь. Его... якорь.

— Якорь?

— Да. Каждая душа, которая не может уйти, держится за что-то. Что-то материальное. Что-то, что связывает её с миром живых. У него тоже есть такое. Что-то, что он спрятал. Что-то, что он не хочет, чтобы мы нашли.

— Что это?

— Я не знаю. Но я знаю, где искать. В его комнате. Наверху. Той, которую он занимал, когда был жив. Она заперта. Агата говорит, что там ничего нет. Но я думаю, она врёт. Я думаю, там есть что-то. Что-то важное.

Эмили посмотрела на неё. В глазах Лили был страх — но и что-то ещё. Решимость. Как будто она давно ждала этого разговора. Как будто она готовилась к нему.

— Ты поможешь мне?

Лили кивнула.

— Помогу. Но если Агата узнает... Если он узнает...

— Я знаю. Мы будем осторожны.

Они вышли из комнаты. Коридор был пуст. Свечи горели, отбрасывая тени. Дом скрипел. Но Эмили казалось, что скрипы стали громче, что тени стали плотнее. Как будто дом знал, что они задумали. Как будто он предупреждал. Они шли тихо, ступая на носки, но половицы всё равно скрипели — предательски, громко. Эмили казалось, что каждый скрип слышен на весь дом. Что Агата слышит. Что он слышит. Что все мёртвые жёны слышат и смотрят на них из стен.

Они поднялись на третий этаж. Здесь было темнее, холоднее. Воздух был спёртым, как в закрытой комнате, которую давно не проветривали. Двери были заперты, но Лили знала, где Агата прячет ключи. Она достала связку из-под ковра у лестницы — Эмили удивилась, как просто, как буднично это выглядело, — и открыла нужную дверь. Замок щёлкнул громко, как выстрел.

Комната была маленькой. Пыльной. Заброшенной. Кровать, стол, шкаф. Всё покрыто слоем пыли в палец толщиной. Пыль была везде — на полу, на подоконнике, на книгах, на кровати. Она лежала ровным слоем, как снег. Но на столе что-то было. Что-то, что не было покрыто пылью. Как будто его положили недавно. Как будто его ждали. Эмили подошла. На столе лежал дневник. Кожаный переплёт, пожелтевшие страницы. Он выглядел старым — очень старым. Но пыли на нём не было. Как будто кто-то только что его здесь оставил. Как будто кто-то хотел, чтобы они его нашли.

Эмили открыла его. Кожа переплёта была холодной и гладкой, как камень. Первая страница была подписана: «Джонатан Торн, 1783 год».

— Это его, — прошептала Эмили.

— Читай, — сказала Лили. — Быстро. У нас мало времени.

Эмили начала читать. Почерк был ровным, аккуратным — почерк человека, который привык записывать свои мысли. Чернила выцвели, но буквы были чёткими.

«1 мая 1783 года.

Я построил этот дом для Сары. Для моей жены. Для женщины, которую я люблю больше жизни. Она сказала, что хочет дом в лесу. Место, где мы будем одни. Где никто не найдёт нас. Я выполнил её желание. Я построил этот дом. И теперь мы здесь. Вместе. Навсегда.

Но что-то не так. Сара смотрит на меня странно. Как будто боится. Как будто я — чужой. Я не понимаю. Я люблю её. Я всё для неё сделал. Почему она не видит этого?»

Эмили перевернула страницу. Бумага была тонкой, почти прозрачной. Она чувствовала её запах — старый, пыльный, с лёгкой сладостью, как у увядших цветов.

«15 июня 1783 года.

Сара изменилась. Она больше не улыбается. Она не говорит со мной. Она сидит у окна и смотрит на лес. Я спрашиваю, что случилось. Она молчит. Я начинаю злиться. Я не должен злиться. Но я не могу понять. Что я сделал не так?»

«3 августа 1783 года.

Я нашёл её дневник. Она пишет, что боится меня. Что я — не тот, за кого себя выдаю. Что я... что я сделал что-то ужасное. Я не понимаю. Я ничего не делал. Я только любил её. Я только хотел, чтобы она была счастлива. Почему она не видит этого?»

Эмили чувствовала, как что-то сжимается в груди. Она узнавала этот голос. Не Джона-тана — Сары. Она слышала его в своих собственных мыслях. «Я не понимаю. Я всё для него сделала. Почему он не видит?» Она перевернула страницу.

«20 сентября 1783 года.

Она хочет уйти. Она сказала мне сегодня. Она хочет уйти. Оставить меня. После всего, что я сделал для неё. После дома, который я построил. После жизни, которую я ей дал. Она хочет уйти.

Я не позволю.

Она — моя. Она всегда была моей. И она всегда будет моей. Даже если мне придётся... сделать что-то. Что-то, о чём я буду жалеть.

Но я не буду жалеть. Я не могу. Потому что без неё... без неё я никто. Без неё я — тень. Я не хочу быть тенью.»

Эмили закрыла глаза. На мгновение. Потом открыла и перевернула страницу. Последнюю.

«31 октября 1783 года.

Сегодня ночью. Полнолуние. Я сделаю это. Я найду способ. Я читал книги. Древние книги. Тёмные книги. Я знаю, что нужно делать.

Она будет моей. Навсегда.

Даже если мне придётся убить её.»

Эмили закрыла дневник. Руки дрожали. Она чувствовала, как холод пробирается под кожу — не снаружи, а изнутри. Как будто она прочитала что-то, что не должна была читать. Как будто она увидела что-то, что не должна была видеть.

— Он убил её, — прошептала она. — Он убил Сару.

— Да, — сказала Лили. — И проклял себя. И весь род. Он хотел, чтобы она осталась. И она осталась. Но не так, как он хотел. Она стала тенью. И он стал тенью. И теперь...

— И теперь он делает это снова. Снова и снова. С каждой невестой.

— Да.

Эмили посмотрела на дневник. Потом на Лили.

— Здесь должно быть что-то ещё. Что-то, что он спрятал. Что-то, что держит его.

Она перелистала страницы. Дневник заканчивался на записи от 31 октября. Но были ещё страницы. Пустые. Или... не совсем. На последней странице было что-то написано. Другим почерком. Женским. Буквы были мельче, торопливее, как будто писавший спешил. Как будто писавший знал, что времени мало.

«Я знаю, что ты сделал. Я знаю, где ты спрятал это. Я найду. И я освобожу тебя. Даже если ты не хочешь. Даже если ты будешь сопротивляться. Я освобожу тебя. Потому что я люблю тебя. И потому что ты — мой муж. Даже если ты — монстр.»

Подпись: «Сара».

Эмили посмотрела на Лили. В горле у неё пересохло.

— Сара знала. Она знала, где якорь.

— Да. И она пыталась найти его. Но не успела. Он убил её раньше.

— Но она написала это. Значит, якорь существует. И его можно найти.

— Да. Но где?

Эмили задумалась. Она смотрела на дневник. На первую страницу. «Я построил этот дом для Сары». Слова всплыли в памяти — чёткие, как будто их только что написали. Она вспомнила, как стояла на крыльце, как смотрела на лес, как чувствовала ветер в волосах. Она

вспомнила дом — его стены, его башню, его окна, которые смотрели, как глаза. Она вспомнила, как впервые увидела его — тёмный, старый, но живой. Как будто он дышал.

— Дом, — сказала она. — Он построил дом для неё. Дом — это его якорь. Не что-то внутри дома. А сам дом.

Лили побледнела. Её лицо стало почти белым — как мел, как воск, как стена.

— Если мы разрушим дом...

— Он освободится. Или умрёт. По-настоящему.

— Или разгневается. И убьёт нас всех.

Эмили кивнула.

— Да. Но это единственный способ.

Они стояли в комнате, глядя друг на друга. Свечи мерцали. Дом скрипел. И где-то внизу, в подвале, что-то шевелилось. Что-то ждало. Эмили чувствовала это — тянущую нить, которая вела вниз, в темноту. Она чувствовала его. Он знал. Он знал, что они нашли дневник. Он знал, что они знают. И он ждал.

Осталось два дня.

Эмили не спала всю ночь. Она сидела у окна, глядя на луну. На дом. На лес. Она думала о том, что прочитала. О Джонатане. О Саре. О проклятии. Она думала о том, что должна сделать. Сжечь дом. Освободить его. Или умереть. Луна висела в небе — почти полная, тяжёлая, серебряная. Она заливала комнату холодным светом, и тени на стенах двигались медленно, как будто дышали. Эмили смотрела на них и думала: может быть, это и есть мёртвые жёны. Может быть, они танцуют. Может быть, они ждут.

Она думала о бабушке. О том, как та жила здесь. Двадцать лет. С ним. В темноте. Как она улыбалась. Как говорила «Добро пожаловать замуж». Как в её глазах было что-то — страх, любовь, надежда. Бабушка знала. Бабушка ждала. Бабушка надеялась, что Эмили сможет сделать то, что не смогла она. Эмили пыталась представить бабушку молодой — такой, как на старых фотографиях, которые хранились в коробке из-под печенья. Смеющейся. Живой. А потом — здесь. В этом доме. С тенью. В темноте. Двадцать лет. Двадцать долгих лет. Как она выдержала? Как она не сошла с ума? Может быть, сошла. Может быть, та странность, которую Эмили всегда замечала в бабушке — рассеянный взгляд, привычка говорить с пустотой, — была не странностью, а шрамом.

Эмили думала о Саре. О первой невесте. О той, которая отказалась. О той, которая стала тенью. Сара знала, где якорь. Сара пыталась освободить его. Но не успела. Он убил её. И проклял себя. И весь род. Эмили вспомнила портрет — тёмные волосы, глаза цвета мёда. Она вспомнила женщину на краю леса — бледную, в белом. Она вспомнила запись в дневнике: «Прости меня. И прости его. Он не монстр. Он просто... потерянный.» Сара простила его. Даже после того, как он убил её. Даже после двухсот лет в тени. Она простила. Эмили не знала, смогла бы она так.

Эмили думала о себе. О своей жизни. О Бостоне. О работе. О друзьях. Обо всём, что она оставила. Обо всём, что она могла потерять. Она думала о своей квартире — маленькой, но своей. О чашке кофе по утрам. О коллегах, которые считали её холодной, но уважали. О мужчине, с которым она встречалась год назад, — он хотел серьёзных отношений, а она испугалась. Она всегда испуганно отступала, когда кто-то подходил слишком близко. Может быть, поэтому Джонатан выбрал её. Может быть, он чувствовал в ней ту же пустоту, которую чувствовал в себе. Может быть, они были одинаковыми — оба боялись, что их оставят. Оба хотели удержать. Оба не умели отпускать.

Она думала о том, что будет, если она согласится. Двадцать лет в этом доме. С ним. В темноте. А потом — смерть. Или хуже. Она представила себе это: годы, медленно текущие, как воск по свече. Дни, похожие один на другой. Стены, которые дышат. Тени, которые смотрят.

И он — рядом. Всегда рядом. Голос в темноте. Глаза, которые светятся. Она представила, как стареет здесь — одна, среди мёртвых жён. Как её волосы седеют. Как её кожа бледнеет. Как она становится тенью ещё при жизни. Как бабушка.

Она думала о том, что будет, если она откажется. Смерть. Или хуже. Тень. Навсегда. Она представила, как стоит перед алтарём и говорит «нет». Как тень наклоняется к ней. Как что-то тёмное касается её груди. Как её сердце останавливается. Как она падает. Как просыпается — уже не в теле, а в чём-то другом. Как смотрит на мир сквозь стены. Как ждёт. Двести лет. Или больше.

Она думала о третьем варианте. Огонь. Дом. Пепел. Свобода. Или смерть. Но смерть — честная. Настоящая. Не тень. Не вечность в подвале. Просто конец. И, может быть, начало.

Утром она встала. Умылась. Оделась. Вода была ледяной, и это помогло — вернуло её в тело, в реальность. Она посмотрела на себя в зеркало. Бледная. Уставшая. Но живая. Пока живая. Она долго смотрела на своё отражение. На женщину, которой предстояло принять решение. На женщину, которая была последней из рода. На женщину, которая должна была сжечь дом. Она не отвела взгляд. Она не заплакала. Она просто смотрела — и запоминала.

Она вышла из комнаты. Коридор был пуст. Свечи горели. Тени танцевали. Она пошла вниз. В гостиную. Женщины сидели вокруг камина. Молчаливые. Неподвижные. Они посмотрели на неё. Все. Одновременно. Как будто ждали. Как будто знали. Их глаза — мутные, старые, древние — смотрели на неё с чем-то, чего Эмили не могла назвать. Может быть, с надеждой. Может быть, с голодом. Может быть, с чем-то средним.

— Я хочу увидеть его, — сказала Эмили. — Снова.

Женщины переглянулись. Без слов. Только взгляды — медленные, тяжёлые. Потом Агата кивнула.

— Хорошо. Иди. Он ждёт.

Эмили пошла к подвалу. К лестнице. Вниз. В темноту. В холод. В запах. Она шла медленно. Осторожно. Ступени скрипели. Тени сгущались. Она чувствовала, как что-то тянет её вниз. Как что-то ждёт её. Как что-то хочет её. Но теперь это было не страшно. Теперь она знала, что это. Она знала, кто это. Она знала, почему. И знание меняло всё. Страх остался — но под ним появилось что-то другое. Понимание. Может быть, даже сочувствие.

Она дошла до двери. Толкнула. Открыла. Вошла в круглую комнату. Свечи горели. Алтарь стоял. И тень. Тень ждала. Она была такой же, как в первый раз — огромной, плотной, дышащей. Глаза светились в темноте — бледные, как у рыбы. Но теперь Эмили видела больше. Она видела не только монстра. Она видела человека, который когда-то был живым. Который любил. Который боялся. Который убил.

— Ты вернулась, — сказал голос. — Я знал.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказала Эмили. — По-настоящему. Не во сне. Не в видениях. Здесь. Сейчас.

— Говори.

— Я прочитала дневник. Твой дневник. И дневник Сары.

Тень замерла. Что-то в ней изменилось. Стало... напряжённым. Как будто воздух в комнате сжался. Свечи затрещали. Тени на стенах замерли.

— Ты знаешь, что я сделал, — сказал голос. — Ты знаешь, что я убил её.

— Да. Ты убил её. Потому что она хотела уйти. Потому что ты не мог отпустить.

— Я любил её.

— Ты не любил её. Ты хотел владеть ею. Это разные вещи.

Молчание. Долгое. Тяжёлое. Эмили слышала, как капает вода где-то в углу. Как потрескивают свечи. Как бьётся её собственное сердце.

— Может быть, — сказал голос. — Может быть, ты права. Я не знаю. Я уже не помню, что такое любовь. Я помню только... пустоту. И страх. И желание. Я хотел, чтобы она была со

мной. Я хотел, чтобы она любила меня. Я хотел... я хотел быть человеком. Но я не человек. Я — тень. Я — монстр. И я не знаю, как это остановить.

Эмили смотрела в темноту. В эти бледные глаза. И чувствовала... что-то. Не страх. Не отвращение. Печаль. Глубокую, древнюю печаль. Как будто она смотрела в зеркало и видела себя — одинокую, потерянную, ждущую. Она думала о своей жизни. О ночах, когда она просыпалась от собственного сердцебиения. О днях, когда она смотрела на людей вокруг и чувствовала себя чужой. О страхе, который жил в ней с детства — страхе, что её оставят. Что её бросят. Что она останется одна. Может быть, именно поэтому она никогда никого не подпускала близко. Может быть, именно поэтому она узнавала себя в Джонатане. Он боялся того же. И это привело его к убийству. А её — к одиночеству.

— Я могу остановить это, — сказала она. — Я могу освободить тебя. По-настоящему.

— Как?

— Ты знаешь как. Ты знаешь, что держит тебя здесь. Ты знаешь, где якорь.

Тень замерла. Глаза погасли. Потом снова загорелись. Ярче. Как будто внутри неё что-то вспыхнуло.

— Ты не сможешь, — сказал голос. — Ты не сможешь найти его. Никто не смог.

— Сара смогла. Она знала. Она написала об этом.

— Сара... — голос дрогнул. — Сара была умной. Она была... она была всем. Но она не успела. Я не дал ей.

— Где её дневник?

Молчание. Долгое. Эмили слышала, как тень дышит — тяжело, медленно, как будто каждый вдох давался ей с трудом.

— Где её дневник, Джонатан?

— Здесь, — сказал голос. — Под алтарём. Я спрятал его. Я не хотел, чтобы кто-то нашёл. Я не хотел, чтобы кто-то узнал, что я сделал.

Эмили подошла к алтарю. Камень был холодным. Она наклонилась. Под алтарём была ниша. Тёмная. Узкая. Она протянула руку и нащупала что-то. Кожу. Дневник. Пыль. Паутину. Она вытащила его. Дневник был тонким, лёгким, как будто внутри не было ничего, кроме призрака. Она открыла его. Страницы были исписаны мелким, торопливым почерком. Женским. Живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.